

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д. ф. н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д. ф. н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д. ф. н., проф. (Москва), В. В. Красных, д. ф. н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д. ф. н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д. ф. н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д. ф. н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д. ф. н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д. ф. н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д. ф. н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д. ф. н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Ухванова, д. ф. н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. Д. Цветкова, к. ф. н., доцент (Казахстан, Павлодар), А. П. Чудинов, д. ф. н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), К. И. Бринев, М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

О. А. Ковалев, С. Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66; Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а. Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Т. Г. Рабенко, А. О. Терентьева. Модель распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве (на материале социальной сети «ВКонтакте»)	7
М. И. Абдыжапарова, Е. П. Каргаполов, Т. В. Федосова. Образ леса в метафорических моделях авторской картины мира Владимира Волковца	27
Лю Сыди, Н. Г. Нестерова. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой репрезентации (на материале текстов сайта Международной выставки-форума «Россия»)	40
С. В. Беликов. Эргонимы в городском ономастическом пространстве Харбина и перспективы их использования при обучении русскому языку как иностранному	55
Е. А. Чистюхина. Лингвокультурный типаж «ленивый человек» как составляющая ценностной картины мира российских немцев (на материале шванков)	72
Э. В. Маремукова. Этностереотипизация утверждения и отрицания в разноструктурных языках	90
Д. В. Сердюк. Интертекстуальность святочно-рождественских рассказов М. Горького	111
И. П. Черкасова. Феномен концептуализации образа Николая Чудотворца и понятия чуда в поэтическом дискурсе	123
В. Н. Карпухина, А. А. Мансков. Художественный метод Сигизмунда Кржижановского и Михаила Булгакова: к постановке проблемы	142

А.А. Иванова, О.Ю. Муштанова. Сюжетообразующие мотивы легенд острова Сицилия	155
--	-----

Научные сообщения

С.М. Пронченко. Имена собственные в охотничьей прозе А.К. Толстого.....	168
---	-----

Чжан Цзин. Слова новый и новенький в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи»: семантика и функции	179
--	-----

Д.Д. Старикова, Л.А. Селина. Психолингвистические особенности восприятия концепта ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ абитуриентами поколения Z	188
---	-----

Чжан Хуэйчжэнь. Антон Чехов в творчестве Лу Синя	197
---	-----

Е.В. Тырышкина. Динамический герой в повести Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» (заметки к теме)	205
--	-----

Е.Е. Волкова. Художественные приемы в творчестве Николая Олейникова: метабола и деконструкция.....	215
--	-----

Люди. Факты. События

Н.В. Бубнова. «Огней так много золотых на улицах Саратова...»: обзор XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»	224
--	-----

Резюме	229
---------------------	-----

Наши авторы	245
--------------------------	-----

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов	247
--	-----

CONTENTS

Articles

- T. G. Rabenko, A. O. Terentyeva.** The Dissemination Model of Unauthorized Information in the Virtual Communication Space (Based on the Material of the VKontakte Social Network).....7
- Ye. P. Kargapolov, T. V. Fedosova, M. I. Abdyzhaparova.** The Image of the Forest in Metaphoric Models of the Author's Worldview of Vladimir Volkovets27
- Liu Sidi, N. G. Nesterova.** Media Image of Siberia through the Prism of Scientific Achievements of Its Regions: Means of Linguistic Representation (Based on the Texts of the Website of the International Exhibition-Forum “Russia”)40
- S. V. Belikov.** Ergonyms in the Urban Onomastic Space of Harbin and the Prospects for Their Use in Teaching Russian as a Foreign Language.....55
- E. A. Chistiukhina.** Linguocultural type “A Lazy Person” as a Part of the Axiological World Picture of Russian-Germans (Based on the Shvanks).....72
- E. V. Maremukova.** Ethnostereotyping of Affirmation and Negation in Languages with Different Structures.....90
- D. V. Serdyuk.** Intertextuality of M. Gorky's Christmas (Yuletide) Short Stories.....111
- I. P. Cherkasova.** The Phenomenon of Conceptualization of St. Nicholas Image and the Concept of Miracle in Poetic Discourse..... 123
- V. N. Karpukhina, A. A. Manskov.** The Artistic Method of Sigizmund Krzhizhanovsky and Mikhail Bulgakov: The Statement of a Problem..... 142

A. A. Ivanova, O. Yu. Mushtanova. Narrative Motifs of the Legends of the Island of Sicily.....	155
---	-----

Scientific reports

S. M. Pronchenko. Proper Names in the Prose of Hunting by A. K. Tolstoy	168
--	-----

Zhang Jing. Russian Words новый (novyj) and новенький (noven'kij) in the Cycle of Ivan Bunin's Stories "Dark Alleys": Semantics and Functions.....	179
---	-----

D. D. Starikova, L. A. Selina. Psycholinguistic Features of Perception of the IDEAL LECTURE Concept by University Applicants of Generation Z.....	188
--	-----

Zhang Huizhen. Reception of Anton Chekhov's Work in the Prose of Lu Xun	197
--	-----

E. V. Tyryshkina. The dynamic Character in the Y. N. Tynyanov's Story "The Wax Person" (Notes on the Topic)	205
--	-----

E. E. Volkova. Artistic Techniques in the Works of Nikolai Oleynikov: Metabola and Deconstruction.....	215
---	-----

People. Facts. Events

N. V. Bubnova. "There are so Many Golden Lights on the Streets of Saratov...": Review of the XXII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region"	224
---	-----

Summary	229
----------------------	-----

Our authors	245
--------------------------	-----

МОДЕЛЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕАВТОРИЗОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на материале социальной сети «ВКонтакте»)

Т. Г. Рабенко, А. О. Терентьева

Ключевые слова: неавторизованная информация, виртуальное коммуникативное пространство, коммуникативный ход

Keywords: unauthorized information, virtual communication space, communication course

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1–01](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1–01)

Введение

Научная проблема настоящего исследования связана со спецификой распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве, рассматриваемом в формате общения в социальных сетях.

Экстраполируя на область интернет-коммуникации понятие коммуникативного пространства как «мысленно представляемой среды» [Гаспаров, 1996, с. 69], необходимой для создания и интерпретации сообщения, виртуальное коммуникативное пространство представляется как область, структурированная «вторичными коммуникативными процессами, которые связаны с обсуждением и распространением информации, впервые полученной из средств массовой информации или услышанной от знакомых, друзей и пр.» [Почепцов, 1998, с. 118]. Субъекты виртуального сообщества вычленяют во внешнем и/или внутреннем мире значимые, с их позиции, объекты отражения и высказывают личностное отношение к ним. В связи с этим вслед за Ш. Балли можно говорить о том, что действительность «не отражается, а предомляется в нас, то есть подвергается искажениям» [Балли, 1961, с. 23], выражающимся в субъективном восприятии событий, рефлексии интернет-пользователей относительно определенных тем. Субъективность

распространяемой информации, ее анонимность, широкий охват аудитории и возможность обратной связи делают социальные сети эффективным каналом для распространения различного рода информации, в том числе неавторизованной. Под неавторизованной информацией понимается такой вид информации, при котором «источник информации представляется адресату неопределенным или вообще неизвестным» [Осетрова, 2009, с. 40]. Понятие (не)авторизованной информации сопрягается с категорией авторизации. В понимании данной категории мы следуем за Г.А. Золотовой. Суть авторизации Г.А. Золотова видит в том, что «в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и характер восприятия» [Золотова, 1973, с. 263] (см. также [Шмелева, 1995]). В качестве основания авторизации выступает «стремление говорящего выразить свою точку зрения на сообщение посредством указания на источник информации, а иногда и на характер восприятия действительности» [Золотова, 1973, с. 265].

Целью настоящего исследования является воссоздание модели распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве, воплощенном в социальной сети «ВКонтакте».

Методы и фактологическая база исследования

В работе используются следующие методы:

- 1) коммуникативно-прагматический метод, основанный на описании виртуального коммуникативного пространства с учетом совокупности собственно лингвистических средств организации текста и внешних условий общения, присутствующих в сознании интернет-пользователя в начале осуществления речевого акта, определяемого формулой: кто — что — где — когда — кому — зачем — как (говорит/пишет) [Якобсон, 1975, с. 198];
- 2) метод лингвистического моделирования, предполагающий конструирование модели. Последняя предстает как «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное (в нашем случае — мысленное: Т. Р., А. Т.) устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение другого (“настоящего”) устройства (оригинала) в лингвистических целях» [Булыгина, Крылов, 1990, с. 304] (обзор работ, посвященных понятию моделирования и лингвистической модели, см. [Поветкина, 2012]).

Фактологическая база данного исследования включает:

- 1) пост, размещенный в группе социальной сети «ВКонтакте»¹; в качестве информационного повода выступает сообщение о смерти одной из бывших участниц популярного телевизионного проекта «ДОМ 2»;
- 2) комментарии интернет-пользователей, выражающих свое мнение относительно произошедшего события (всего 544 комментария).

Выбор социальной сети «ВКонтакте» объясняется особой активностью аудитории в сообществах, связанной с реакциями участников на контент в сообществе или на личных страницах, наличием удобных инструментов для отслеживания посещаемости, высокой кликабельностью аудитории [Текутьева, 2017, с. 270].

Результаты исследования

Явление неавторизованной информации активно привлекается в качестве объекта научного описания. В зону исследовательского внимания включается ряд вопросов.

1. Определение самого феномена неавторизованной информации. Обнаружение каналов распространения неавторизованной информации, определение специфики каждого из них. Среди работ, посвященных данному аспекту изучения вопроса, стоит отметить исследования (докторскую диссертацию, научные статьи) Е. В. Осетровой, в которых дано описание своеобразия распространения неавторизованной информации через устный канал, представленный в формате живого непринужденного диалога [Осетрова, 2009], текстов с неавторизованной информацией, размещенных в СМИ [Осетрова, 2010], художественных фрагментов романов [Осетрова, 2010].

Установлено, что в основе понятия неавторизованной информации лежит лингвофилософская категория неопределенности, которая отражает проблему эпистемической неопределенности и семантической неоднозначности. Эпистемическая неопределенность относится к недостаточной информированности и уверенности субъекта в истинности передаваемой информации. Семантическая неоднозначность сопряжена с возможными множественными интерпретациями неких сообщаемых сведений. С коммуникативных позиций «категория неопределенности служит: а) для выражения неосведомленности участников речевой ситуации об источнике информации, объекте речи, его действиях; б) для передачи незнания, сомнения, неуверенности говорящим / пишущим в ха-

¹ https://vk.com/dom_2_sluhi

рактистике предмета речи; в) для передачи значения „отсутствие сведений” о неких предметах, явлениях с позиции говорящего / пишущего» [Беглярова, 2008, с. 52; Маштакова, 2005, с. 11].

Речевые высказывания, содержащие неавторизованную информацию, характеризуются наличием лингвистических маркеров. Среди них глагольные словоформы «слышал/а», «видел/а», «болтают», «(как) говорят / пишут», частицы «якобы», «будто (бы)», грамматические конструкции «ходят слухи», «прошел слух» и др. [Осетрова, 2010, с. 112].

2. Изучение жанрового воплощения текстов с неавторизованной информацией (слухи, сплетни, молва и пр.) [Рабенко, 2013; Хакимова, 2021; Шейко, 2019 и др.].

3. Описание механизмов распространения информации (в том числе неавторизованной) в социальных сетях. В связи с обозначенным аспектом представляется значимой серия публикаций Н.Д. Голева и М.А. Сушкиной [Голев, Сушкина, 2022; 2023]. В своем исследовании авторы исходят из положения о саморазвитии диалога интернет-комментаторов, в основе которого лежит динамика исходного текста: участники интернет-сообщества «видят какие-то свои интересы и предпочтения, требующие обсуждения, и тем самым вольно или чаще невольно перетягивают других участников диалога на свою площадку, провоцируют оппонентов высказать свое мнение» относительно заявленной темы [Голев, Сушкина, 2022, с. 186]. В итоге текст с обсуждаемой новостью становится эпицентром центростремительной тенденции [Голев, Сушкина, 2022, с. 186]. Центробежная тенденция сопрягается с «субъективной природой языковой личности участника интернет-обсуждения» [Голев, Сушкина, 2022, с. 186] — различием общественных и индивидуальных интересов и типов личностей, участвующих в обсуждении темы.

В рамках настоящего исследования представляется принципиально новый аспект рассмотрения распространения неавторизованной информации: посредством построения модели распространения неавторизованной информации показать механизм трансляции неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» с учетом специфики электронного канала коммуникации, выявить и систематизировать структурирующие модель коммуникативные ходы, осуществляемые интернет-пользователями, исходя из их роли в развитии / блокировании темы неавторизованного высказывания.

В рамках настоящего исследования описание механизма распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве осуществляется с учетом интеракционной модели коммуникации [Schiffrin, 1994, p. 398; Дементьев, 2000, с. 8]. В основе данной

модели лежит положение о том, что суть общения сводится к «сложному коммуникативному взаимодействию двух субъектов с учетом социально-культурных условий ситуации» [Макаров, 2003, с. 38–43]. Обозначенная модель помещает в центр внимания аспекты коммуникации как поведения. Коммуникация рассматривается здесь в терминах поступков: какое действие совершается в данный момент коммуникации [Schegloff, 2007, р. 9]. Реплики участников диалога расцениваются как речевые действия. Совокупность речевых действий определяется как коммуникативный поступок, иначе коммуникативный ход. «Коммуникативный (интерактивный) ход представляет собой вербальное и/или невербальное действие участников коммуникации, минимальный значимый элемент, который развивает взаимодействие субъектов коммуникации и продвигает их общение к достижению общей коммуникативной цели» [Макаров, 2003, с. 182]. Коммуникативные ходы, избирательно сочетающиеся друг с другом, имеют в своей основе выраженную или скрытую речевую интенцию и составляют структуру определенного типа общения, то есть типа коммуникативного поведения [Карасик, Бейлинсон, 2010, с. 126]. Исходя из этого, коммуникация субъектов оценивается как речевая деятельность, состоящая из коммуникативных ходов, которые подчинены реализации интенции общения.

Для оценки механизма виртуального коммуникативного пространства как канала распространения информации важен ряд параметров. Е. В. Осетрова выделяет параметры, значимые для работы устного канала распространения информации [Осетрова, 2009, с. 82]. Экстраполируем наблюдения автора на область виртуальной коммуникации и скорректируем обозначенные исследователем параметры с учетом специфики виртуального коммуникативного пространства как средства распространения информации.

1. «Момент ввода неавторизованной информации» [Осетрова, 2009, с. 82]. Если на этапе ввода информации в ситуации устного общения возможен индивидуальный и групповой режим коммуникации, то для общения в социальных сетях используется групповой режим коммуникации, когда сообщение единовременно направляется множеству адресатов. В отличие от устного канала распространения информации, где «неавторизованная информация вводится в Канал через ситуацию спонтанного общения» [Осетрова, 2010, с. 17], в социальной сети «ВКонтакте» пост с неавторизованной информацией целенаправленно размещается в сообществе, именуемом как «группа» или «паблик».

2. Способ трансляции неавторизованной информации, когда информация от одного источника (автора поста с неавторизованной информа-

цией и иных интернет-пользователей) распространяется по социальной сети, при этом актуальная новость в комментариях интернет-пользователями обрастает все новыми подробностями (саморазвитие диалога).

3. Периодичность трансляции неавторизованной информации. Текст может находиться в состоянии непрерывной циркуляции или время от времени актуализироваться в интернет-сообществе. Подобное наблюдается и при устном распространении неавторизованной информации.

4. Пространственный и временной параметры распространения неавторизованной информации. Канал распространения неавторизованной информации работает в пределах определенной группы — интернет-сообщества (в нашем случае — интернет-сообщества, объединяющего поклонников телевизионного проекта «ДОМ 2»). Период существования сообщения зависит от устойчивости социального интереса к содержанию сообщаемого.

Виртуальное пространство как канал распространения информации обладает рядом характеристик, сопряженных с техническими характеристиками канала коммуникации [Щипицина, 2010, с. 63]. Обозначим их:

- 1) гипертекстуальность, связанная с разложением текста на отдельные, соединенные гиперссылками, блоки. В результате структура текстов в компьютерно-опосредованной коммуникации обнаруживает сочетание линейного и гипертекстового принципов;
- 2) мультимедийность, предполагающая реализацию текста одновременно на двух уровнях: вербальном и невербальном (средства метаграфимики), что делает возможным переплетение разных кодов в составе текста, функционирующего в социальной сети;
- 3) синхронность / асинхронность создания сообщения и ответной реплики на него. Если в рамках устного канала распространения информации речь идет преимущественно о синхронном создании сообщения и (почти) одновременной ответной реплики на него, то в ситуации компьютерно-опосредованной коммуникации возможна и асинхронная форма общения, когда участник интернет-сообщества может прочитать сообщение в удобное для него время.

Распространение сообщения с неавторизованной информацией осуществляется путем размещения интернет-поста. Основная цель поста — направлять внимание пользователей на некие актуальные факты и оценивать их. Пользователи в ответ на сообщение размещают свои комментарии, где содержится реакция на высказывание с неавторизованной информацией, в которой возможно появление нового текстового материала с неавторизованной информацией.

Автор интернет-поста (инициатор сообщения), избегая указания на конкретный источник информации, может легко снять с себя ответственность за ее разглашение. Этому способствует анонимность процесса общения в социальных сетях. При этом зачастую значимым оказывается само содержание сообщаемого, а не его источник.

Разнообразие содержания текстового материала с неавторизованной информацией, свободный порядок его изложения обуславливают отсутствие четко обозначенного сценария введения и обсуждения высказываний с неавторизованной информацией. Поэтому в данном случае «стоит говорить ... о возможных коммуникативных ходах» [Осетрова, 2009, с. 41]. Обсуждение темы, заявленной в сообщении с неавторизованной информацией, включает ряд коммуникативных ходов. В своем исследовании мы опирались на классификацию коммуникативных ходов, предложенную Е. В. Осетровой [Осетрова, 2009, с. 41]. Обнаруживаемые в рамках виртуального диалога коммуникативные ходы приурочены к определенному этапу развития сюжета. Объединенные в пределах одного этапа коммуникативные ходы образуют коммуникативный блок. Выявляется четыре коммуникативных блока: введение сюжета, развитие сюжета, блокирование сюжета, выход из сюжета.

Коммуникативный блок¹ «Введение сюжета»

Первый коммуникативный ход — «Введение темы» — представляет суть некоего коммуникативного события, способного привлечь внимание интернет-сообщества (в данном случае смерть одной из участниц телевизионного проекта «ДОМ 2» Либерж Кпадону). «Введение темы» начинается с модерации текста, присылаемого автором. Модератор (иначе администратор группы) социальной сети «ВКонтакте» выбирает из присланных разными авторами материалов тот текст, который, по его мнению, вызовет интерес интернет-пользователей, и вводит тему в общее обсуждение участниками сообщества. Администратор сообщества имеет полномочия редактировать размещаемый им контент (исправлять орфографические, пунктуационные ошибки), цензурировать текст. Прикладываемые к постам фотографии, носящие неприемлемый контент, администратор группы имеет право не размещать либо затемнять их пикселями.

Согласно пункту 5.13.7 Правил «ВКонтакте»², пользователь несет полную ответственность за создание и управление сообществами в соответствии с законодательством Российской Федерации и международ-

² <https://m.vk.com/@adminsclub-pravila-soobschestv>

ными правовыми актами. Это означает, что создатель группы отвечает за любой запрещенный контент, размещенный в группе. В соответствии с пунктом 5.13.10 модераторы сообществ также ответственны за модерацию и блокировку контента, размещенного в их сообществах. Пункт 8.1 Правил устанавливает, что пользователи несут ответственность за размещение информации в разделах сайта в соответствии с законодательством Российской Федерации. Нарушение данных правил и норм законодательства может повлечь гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность интернет-пользователя. Помимо вопросов размещения контента в своем сообществе, администратор занимается модерацией контента, размещенного в комментариях участников. Весь неприемлемый материал администратором удаляется. Таким образом работают все группы в сети «ВКонтакте».

После получения модератором текста и оценки его на соответствие контенту сообщества администратор «вводит тему». Коммуникативный ход «Введение в тему» реализуется в виде реплики с грамматическим маркером авторизации: «Рассказывают люди ...»³.

Рассказывают люди, которые лежали (в больнице. — Прим. авт.) с Либерж ... Не знаем на сколько это правда, но судя по информации, у нее был туберкулёз, должна была быть операция, но она испугалась и отказалась. И, через 5 дней ее не стало 🤔 (КХ¹ «Введение темы»).

После введения темы следует изложение сути события, способного привлечь внимание пользователей, — разворачивается вовлечение участников сообщества в обсуждение темы через экспертизу. Автор поста прикладывает к сообщению видеоматериал и скриншот комментариев к журналу «StarHit» как источнику поступившей информации.

Адресаты (пользователи социальной сети «ВКонтакте») в большинстве случаев делают одновременный ход «Вовлечение в тему», выдавая со своей стороны эмоционально-оценочную реакцию на прочитанное. Представленные ниже реплики сигнализируют о вовлеченности пользователей в тему виртуального диалога (КХ² «Вовлечение в тему»).

Анна: Соболезнования родным. Очень жаль, мне она очень нравилась 🤔. *Светлая память* 🙏.

Светлана В.: Хорошая была, Справедливая. Очень жаль, молодая такая 🤔. *Родителям, держаться!*

Ольга С.: Как же мне ее жаль 🤔, *прямо до слез, такая яркая девочка была.*

³ Здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Данный и последующие коммуникативные ходы реализуются преимущественно в виде поликодового сообщения, состоящего из собственно вербальной части и средств метаграфемики (стикеры), что позволяет полнее и разнообразнее выразить эмоциональное состояние субъекта.

Коммуникативный блок² «Развитие сюжета»

Ряд пользователей пропускает данный коммуникативный ход, заменяя его на **коммуникативный ход «Запрос подробностей»** (КХ³ «Запрос подробностей»). Когда адресат хочет разобраться в деталях и причинно-следственных связях сюжета, подобный предметный интерес, даже без языкового выражения эмоций, свидетельствует о значительной степени его присоединения к субъекту, который солирует в виртуальном диалоге. Это увеличивает продолжительность общения еще на несколько реплик.

Ирина В.: *А чем она болела?*

Анна: *Тоже странная история, пропала 40 дней назад? Неужели ее никто не искал? Родители, друзья? Та же хозяйка (съемной квартиры. — Прим. авт.).*

Ольга П.: *Удивляет, почему мамы нет рядом, в такие моменты? И если умерла аж 40 дней назад, как по останкам определили точную дату? А где родители, друзья были? ...*

Подобные комментарии (представленные преимущественно в виде серии вопросительных предложений) содержат запрос на уточнение поступившей информации и прояснение дополнительных деталей сюжета, что является отличительным признаком обозначенного коммуникативного хода.

Ряд пользователей, которые согласны с принятием неавторизованной информации, оказываются знакомыми с актуальным сообщением. Поэтому такая информация, преподнесенная в форме новости, является для них вторичной. В данном случае коммуникативная структура общения включает первоначальное информирование о произошедшем, а затем обсуждение образовавшегося сюжета. Осуществляется ответный **коммуникативный ход «Обнаружение подробностей»** (КХ⁴ «Обнаружение подробностей»).

Елена: *Врачи уговорили Либерж на операцию, сегодня утром это писали.*

Катерина: *Не врачи уговорили на операцию. Она легла в больницу, было назначено число... После операции она не выходила на связь.*

Елена: *Выходила Рассказывала, что все прошло хорошо*

Катерина: Я читала только про это. Ей сделали операцию, у нее жидкость была в легких, и на связь она не выходила неделю. Я же не спорю. ...

Виктория: Она не обратилась за помощью. У нее была жидкость в легких.

Катерина: Как же она не обратилась за помощью. Это же за день не случается. Или она утонула?

Виктория: Нет жидкость у любого может появиться, она (Либерж. — Прим. авт.) пропала несколько дней назад, как оказалось не кому не нужна была что нашли спустя стольк времени. ...

На этапе коммуникативного хода «Обнаружение подробностей» происходит приращение диктумной части сообщаемого. Интернет-пользователи предлагают свои версии обстоятельств произошедшего.

Если несколько интернет-пользователей уверены в достоверности сообщаемой ими информации, эмоционально привержены своей новостной версии, обсуждение принимает характер дискуссии. Пользовательские комментарии приобретают структуру форума. Такие комментарии могут относиться не к самой опубликованной информации, а являться ответом на чей-то ранее написанный пост (саморазвитие диалога).

Альмира Г.: А чем она болела

Алёна К.: Альмира, опухоль

Анна: Алёна, какая опухоль? Туберкулёз у неё был, и сахарный диабет.

Елена М.: Анна, о чем ты?! Она видео последнее сняла, сказала что на операцию едет!!

Анна: Елена, не на операцию, а из больницы уже, когда её выписали.

Светлана: Да у её опухоль головного мозга была операцию делали это в интернете она сама говорила.

Елена М.: Какого головного мозга??? У неё нашли опухоль в лёгких...

Виктория М.: У неё проблема с лёгкими была, осложнение пошло и всё.

Виктория С.: стоп! У нее был распад лёгких, насколько я помню.

Марина: У неё вроде бы опухоль была не головного мозга, а что то с бронхами но это информация не точная.

Елена С.: Если это правда, то очень жаль 🥹. У неё был рак лёгкого.

Ольга: Елена, какой рак, нет! ...

Натали: Что за чушь раздули!

Виктория М.: Она бросила лечение после операции, месяц не выходила на связь.

Виктория С.: Не получится бросить это лечение. Ерунду же говорите.

На уровне семантики высказывания происходит определенное «столкновение модусов» [Осетрова, 2009, с. 42]. Очередная реплика может начинаться с авторизационных фрагментов (сама Либерж рассказы-

вала, соседка утверждает, писала девочка, которая с ней лежала в больнице и под.).

Интернет-пользователи, выражая сомнение в достоверности актуальной информации, заявляют о необходимости экспертного мнения. Диалог, разворачивающийся в рамках данного поста, обнаруживает еще один **коммуникативный ход**, называемый «Запрос экспертизы» (КХ⁵ «Запрос экспертизы»). Общий эффект коммуникативного хода «Запрос экспертизы» заключается в обмене информацией, дополнительном освещении обсуждаемой темы и наращивании деталей, что позволяет участникам полнее разобраться в происходящем. В диалогах, охарактеризованных как коммуникативный ход «Запрос экспертизы», участники обсуждают обстоятельства произошедшего, опровергая ошибочные утверждения и позиционируя свое мнение как единственно верное. Развернутый анализ событий, обоснование своей версии причин произошедшего создают сложный информативный контекст, в рамках которого неавторизованная информация получает свое развитие.

Следующий **коммуникативный ход**, обнаруживаемый в рамках виртуального диалога, — «Экспертиза» (КХ⁶ «Экспертиза»). Данный коммуникативный ход является эффективным инструментом наращивания информации, проведения анализа событий участниками интернет-сообщества и привлекаемых ими в качестве экспертов других лиц. Участники виртуального диалога доказывают авторитетность личного источника информации, защищая собственную версию случившегося. Субъективная сторона виртуального диалога «расширяется рядом реплик персуазивности» [Шмелева, 1995, с. 26–29]. С их помощью осуществляется запрос на достоверность прочитанной информации (*Не знаю правда или нет* ((; *Неужели это правда?*; *НЕ УЖЕЛИ ПРАВДА, НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ* и под.) и оценивается степень ее достоверности, в языковом плане активно подкрепляемые средствами метаграфимики (шрифтовое выделение текста, повторение восклицательного знака, эмодзи и др.). Мнения других интернет-пользователей, не совпадающие с мнением самого участника сообщества, «квалифицируются» посредством пейоративов *ЕРУНДА*; *БРЕХНЯ*; *НЕПРАВДА*; *ХРЕНЬ*, *Это не правда* и под., негативный заряд которых усиливается с помощью метаграфимики (использование прописных букв, эмодзи).

Ольга: *Ох, ты господи, неужели правда* 🤔 ??? (КХ⁵ «Запрос экспертизы»).

Viktoria: *К сожалению да* 😞 (КХ⁶ «Экспертиза»).

Общий эффект коммуникативного хода «Экспертиза» в этих комментариях проявляется в детальном анализе, аргументированных вы-

водах, обмене информацией и разъяснениях по поводу медицинских аспектов случившегося.

Наблюдение над эмпирическим материалом позволяет выделить еще один коммуникативный ход — «Запрос источника» (КХ⁷ «Запрос источника»). Обозначенный коммуникативный ход помогает интернет-пользователям оценить достоверность предоставленных данных за счет их соотнесения с неким источником информации. В качестве авторитетного источника информации видятся администратор группы, бывшие участники проекта и пр.

Людмила: НЕ УЖЕЛИ ПРАВДА, НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, АДМИНЫ НАПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСИМ 🙏 (КХ⁷ «Запрос источника»).

Как ответ на данный коммуникативный ход появляются комментарии, рассматриваемые нами как коммуникативный ход «Обнаружение источника» (КХ⁸ «Обнаружение источника»).

(1) Елена: А почему нет никакой информации по этому поводу? (КХ⁶ «Запрос источника»).

Надежда: Елена, везде пишут, дом два написал и друг вчера ездил к ней, соседи подтвердили, что ее нет (КХ⁷ «Обнаружение источника»).

На уровне коммуникативных ходов «Запрос источника» и «Обнаружение источника» происходит значительное наращение диктумного содержания сообщения. Данные коммуникативные ходы увеличивают виртуальный диалог на несколько реплик.

Совокупность коммуникативных ходов, реализуемых в рамках коммуникативного блока «Развитие сюжета» и связанных с наращением диктумного содержания диалога, можно представить в виде схемы (см. схему 1).

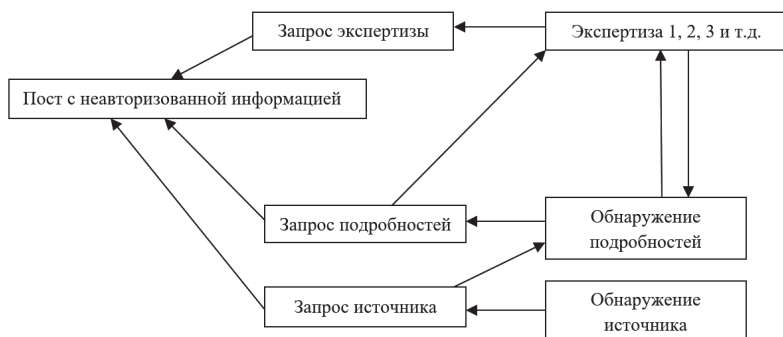

Схема 1. Модель наращивания неавторизованной информации

Коммуникативный блок³ «Блокировка сюжета»

Ряд коммуникативных ходов виртуального диалога направлен на блокирование сюжета. Реакция интернет-пользователя может демонстрировать откровенную незаинтересованность в произошедшем. Возникает **коммуникативный ход «Уклонение от темы»**. Комментарий такого пользователя к размещенному посту о смерти Либерж максимально редуцирован и представлен единичной короткой репликой.

Инна: *Не фанат ее.*

Роман: *Самая лучшая новость (КХ⁹ «Уклонение от темы»).*

С блокированием сюжета связывается неприятие предложенной для общения темы, принципиальное отрицание модуса слуха. В таком случае речь идет о **коммуникативном ходе «Отторжение темы»**.

Виктория: *Человека уже нет, зачем эта вся грязь* 🤢.

Людмила: *Это ещё не подтверждено. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел. Надеюсь это просто слухи.*

Клавдия: *И ЭТУ ПОХОРОНИЛИ. ХОРОНЯТ ВСЕХ АРТИСТОВ... А ОНИ ВСЕ ЖИВЫ... ВО НАРОД ДАЕТ... АДМИН ТЫ НЕ В СЕБЕ ЧТО ЛЬ?* (КХ¹⁰ «Отторжение темы»).

В последнем комментарии отрицание модуса слуха усиливается за счет метаграфемы (шифтовое выделение текста).

Коммуникативный блок⁴ «Выход из сюжета»

Автор интернет-комментария может уклоняться от темы сообщения в связи с ее истощенностью. Реализуется **коммуникативный ход «Исчерпанность темы»**.

Светлана Г.: *Так может это и неправда что она умерла ...* 🤔🤔🤔

Лариса С.: *Светлана, у Либерж была опухоль в лёгких!*

Марина: *...вроде, на легком была опухоль! Или еще обнаружили дополнительно?*

Владушка О.: *Светлана, не головы а в легких.*

Светлана Г.: *Да всё понятно уже (последняя реплика иллюстрирует КХ¹¹ «Исчерпанность темы»).*

Сигнал об истощенности темы может быть замещен запретом на трансляцию как финальным ходом обсуждения неавторизованной информации. Автор комментария, не соглашаясь с принятием актуальной информации, совершает **коммуникативный ход «Запрет трансляции»** (КХ¹² «Запрет трансляции»). Распространение актуальной информации представляется данным пользователем аморальным.

Ольга: *... Хватит постить ерунду* 🤔

Катерина: *Брехню пишете? ... Хватит разносить неправду* (КХ¹² «Запрет трансляции»).

Данный коммуникативный ход осуществляется за счет грамматических конструкций, центрируемых глагольным императивом: «Хватит постить ерунду», «Хватит разносить неправду», «Не сочиняйте».

На блокирование актуальной информации работает **коммуникативный ход «Переключение темы»**, когда интернет-пользователь вычленяет в тексте субъективно значимую для него тему, косвенно относящуюся к сюжету поста, и дает комментарий относительно этой новой темы.

Юлия: *Господи, будь проклят этот рак 🙏🙏🙏 столько людей молодых умирают. Ну почему нет лекарства от него...* (КХ¹³ «Переключение темы»).

Ольга: *Вообще, как люди относятся друг к другу 😞. Ни от кого ни помощи ... Ни от родных и близких. Чужие люди дороже людей по крови ...* (КХ¹³ «Переключение темы»).

С учетом проведенного исследования модель распространения неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» может быть представлена в виде нижеследующей схемы (см. схему 2).

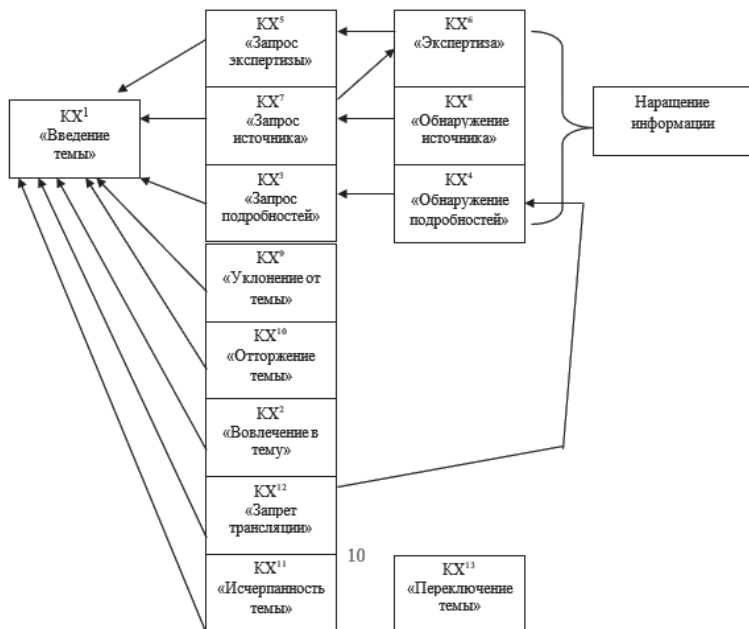

Схема 2. Модель распространения неавторизованной информации

Заключение

С учетом проведенного исследования можно сделать выводы, касающиеся, во-первых, прагматического потенциала коммуникативных ходов как средства распространения / блокирования неавторизованной информации и, во-вторых, собственно самой модели распространения неавторизованной информации.

1. Наиболее эффективным с позиции «продвижения» неавторизованной информации в виртуальное коммуникативное пространство является коммуникативный блок «Развитие сюжета». На уровне обозначенного коммуникативного блока происходит приращение диктумной части актуальной информации и формулирование ответа на вопрос «Что еще можно сказать об этом?»: событийная основа произошедшего дополняется сведениями об обстоятельствах произошедшего, главном участнике события и его второстепенных лицах, расставляются акценты в отношении причин произошедшего. Входящие в данный коммуникативный блок ходы («Запрос экспертизы» и «Обнаружение подробностей») содействуют активному распространению неавторизованной информации в социальной сети. В рамках коммуникативного хода «Запрос экспертизы» участник виртуального диалога запрашивает экспертное мнение о произошедшем у администратора группы, автора поста и иных интернет-пользователей. В контексте анализируемых комментариев этот коммуникативный ход проявляется в запросах интернет-пользователей о возможных причинах смерти ушедшей личности, точной дате ее смерти. Интернет-пользователи высказывают сомнения относительно мотивации действий медийной личности, запрашивают экспертное мнение или дополнительную информацию для лучшего понимания ситуации. Коммуникативный ход «Обнаружение подробностей» связан с желанием пользователей поделиться имеющимися у них дополнительными сведениями о произошедшем (обстоятельствах смерти, временных рамках исчезновения личности из соцсетей, мотивах поступков обсуждаемого лица).

Препятствию распространения неавторизованной информации способствуют коммуникативные блоки «Блокирование сюжета» и «Выход из сюжета». При блокировании темы в ответ на введение неавторизованной информации у пользователей возникает реакция уклонения от темы, ее отторжение или переключение на другую тему. В случае с коммуникативным блоком «Выход из сюжета» со стороны интернет-пользователей (размещающих комментарии относительно поста с неавторизованной информацией и других сообщений, авторы которых высказывают живой интерес к актуальной информации) осуществляются коммуни-

кативные ходы «Запрет трансляции», субъекты которых считают распространение подобного рода информации аморальным, и «Переключение темы» в связи с ее исчерпанностью.

2. Предлагаемая модель распространения неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» обнаруживает как определенное сходство с моделью распространения неавторизованной информации в ситуации живого диалога, представленной в работе Е. В. Осетровой [Осетрова, 2009], так и отличие от нее, обусловленное спецификой электронного канала коммуникации. Сконструированная нами модель представляется более сложно организованной. Обозначим, в чем проявляется сложность модели.

В основе обеих коммуникативных моделей лежит одинаковый набор коммуникативных ходов. Несмотря на обнаружение одних и тех же коммуникативных ходов в обеих моделях, развитие коммуникации в социальной сети обнаруживает несколько векторов трансляции темы, что обеспечивается электронным каналом коммуникации: процесс общения одновременно разворачивается посредством нескольких коммуникативных ходов, поскольку интернет-пользователи, с одной стороны, стремятся прокомментировать размещенный в сети пост с неавторизованной информацией, высказав свое мнение о прочитанном, с другой стороны, прокомментировать мнения других интернет-пользователей, в чем-то согласиться с ними, поспорить, запросить некоторые подробности произошедшего или поделиться некими известными сведениями, не всегда объективными, что способствует приращению неавторизованной информации и, возможно, появлению в одном из коммуникативных ходов еще высказываний с неавторизованной информацией, что подерживается анонимностью общения в социальных сетях. Обнаруживается то явление, характеризующее общение в социальных сетях, которое называется «саморазвитием диалога» [Голев, Сушкина, 2022]. Все интернет-комментарии к посту и сам пост образуют целостное системно-структурное образование, в рамках которого прослеживаются комментарии двух типов: а) комментарии, реализующие коммуникативные ходы распространения неавторизованной информации, которые стремятся удерживать диалог в рамках темы поста, реализуя тем самым центростремительную тенденцию, б) комментарии, эксплицирующие коммуникативные ходы распространения неавторизованной информации, которые «увлекают» диалог за пределы информационно-семантического пространства, центрируемого темой поста (центробежная тенденция).

Различие моделей обнаруживается на уровне текстового воплощения неавторизованной информации, реализуемой в коммуникативных

ходах построенной нами модели. Технические средства электронно-опосредованной коммуникации позволяют пользователям активно привлекать кроме вербальных средств элементы иных семиотических систем, сопровождая комментарии размещением супраграфических средств (эмодзи, шрифтовое выделение текста, повторение знаков препинания и пр.). Широко представлены комментарии-эмодзи.

По завершении построения модели распространения неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» возникает ряд вопросов: является эта модель универсальной или же она варьируется в зависимости от содержания распространяемой новости? Какие элементы модели будут инвариантными, а какие вариативными? Возможно ли выделение коммуникативных ходов, не обозначенных в исследовании Е. В. Осетровой? Авторы настоящей работы находятся в самом начале научного пути, связанного с постижением исследовательской проблематики, заявленной в статье. Ответы на данные вопросы мы получим после неоднократной проработки обозначенной проблемы на разнообразном эмпирическом материале.

Библиографический список

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.

Беглярова А. А. Понятие неопределенности в философии и лингвистике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 3. С. 51–54.

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Модель // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 304–305.

Гаспаров М. А. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 245 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

Карасик В. И., Бейлинсон А. С. Речевой жанр и речевое действие // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 1 (77). С. 123–126.

Макаров М. А. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Маштакова М. В. Определенность-неопределенность в русском и французских языках: значения, функции и способы выражения: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2005. 16 с.

Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в обстоятельствах живого диалога // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 40–46.

Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: дис. ... докт. филол. н. Красноярск, 2010. 413 с.

Поветкина Ю. В. Моделирование как метод лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 132–136.

Почепцов Г. Г. Теория и практика коммуникации. М.: Центр, 1998. 352 с.

Рабенко Т. Г. Сплетня: юмористический профиль жанра (на материале рассказа А. Аверченко «Сплетня») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 45–50.

Текутьева И. А. Преимущества соцсети «ВКонтакте» для продвижения информационного сайта в России // Медиасреда. 2017. № 12. С. 270–275.

Хакимова Г. Ш. Лингвистические исследования речевого жанра слухов в современном медиадискурсе: систематический обзор отечественных работ // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 3. С. 804–812. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47

Шейко Д. В. Феномен сплетни в русской лингвокультуре: когниосемантический аспект: дис. ... канд. филол. н. Ставрополь, 2019. 288 с.

Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... докт. филол. н. М., 1995. 35 с.

Щипицина Л. Ю. Влияет ли канал коммуникации на язык? К проблеме лингвистического статуса компьютерно-опосредованной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2010. № 2. С. 63–67.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

Edmonson J. A. Great expectation: an intensive self-analysis. *Linguistics and Philosophie*. 1978. No. 2. P. 373–413.

Schegloff E. A. *A Primer in Conversation Analysis*. Oxford University Press, 2007. 318 p.

Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford; Cambridge, MA, 1994. 470 p.

References

Balli Sh. French style, Moscow, 1961, 394 p. (In Russian).

Beglyarova A. L. The concept of uncertainty in philosophy and linguistics. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Adygea State University, 2008, no. 3, p. 51–54 (In Russian).

Bulygina T.V., Krylov S. The model. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* = Linguistic encyclopedic dictionary, Moscow, 1990, p. 304–305 (In Russian).

Gasparov M. L. Language, Memory, image: Linguistics of Linguistic Existence, Moscow, 1996, 352 p. (In Russian).

Dement'ev V.V. Indirect communication and its genres, Saratov, 2000, 245 p. (In Russian).

Zolotova G.A. An essay on the functional syntax of the Russian language, Moscow, 1973. 351 p. (In Russian).

Karasik V.I., Beylinson L.S. Speech genre and speech action. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* = Scientific notes of the Russian State Social University, 2010, no. 1 (77), p. 123–126 (In Russian).

Makarov M. L. Fundamentals of discourse theory, Moscow, 2003, 280 p. (In Russian).

Mashtakova M. V. Certainty-uncertainty in Russian and French: meanings, functions and ways of expression. Abstract of Philol. Cand. Diss, Moscow, 2005, 16 p. (In Russian).

Osetrova E. V. Unauthorized information in the circumstances of a live conversation. *Mir russkogo slova* = The world of the Russian word, 2009, no. 3, p. 40–46 (In Russian).

Osetrova E. V. Unauthorized information in the modern communicative environment: the speech aspect. Dokt. of Art Diss, Krasnoyarsk, 2010, 413 p. (In Russian).

Povetkina Yu. V. Modeling as a method of linguistic research. *Filologicheskie nauki. Vopros yteorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice, 2012, no. 6 (17), p. 132–136 (In Russian).

Pocheptsov G.G. Theory and practice of communication, Moscow, 1998, 352 p. (In Russian).

Rabenko T.G. Gossip: a humorous profile of the genre (based on the material of A. Averchenko's short story «Gossip»). *Izvestiya Saratovskogo universiteta* = Proceedings of the Saratov University, 2013, vol. 13, vyp. 3, p. 45–50 (In Russian).

Tekut'eva I.A. Advantages of the VKontakte social network for the promotion of an information site in Russia. *Mediasreda* = Media environment, 2017, no. 12, p. 270–275 (In Russian).

Khakimova G. Sh. Linguistic studies of the speech genre of rumors in modern media discourse: a systematic review of domestic works. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* Bulletin of the Bashkir University, 2021, vol. 26, no. 3, p. 804–812. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47 (In Russian).

Sheyko D.V. The phenomenon of gossip in Russian linguoculture: a cogniosemantic aspect. Cand. of Art Diss, Stavropol', 2019, 288 p. (In Russian).

Shmeleva T.V. Subjective aspects of the Russian utterance. Dokt. of Art Diss, Moscow, 1995, 35 p. (In Russian).

Shchipitsina L. Yu. Does the communication channel affect the language? On the problem of the linguistic status of computer-mediated communication.. Izvestiya Volgogradskogo sudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2010, no. 2, p. 63–67 (In Russian).

Yakobson R.O. Structuralism: pros and cons, Moscow, 1975, p. 193–230 (In Russian).

Edmonson J.A. Great expectation: an intensive self-analysis. Linguistics and Philosophie, 1978, no. 2, p. 373–413

Schegloff E.A. A Primer in Conversation Analysis, Oxford University Press, 2007, 318 p.

Schiffrin D. Approaches to Discourse, Oxford; Cambridge, MA, 1994, 470 p.